

П-2663-48

ГРУШЕЧКА

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Л. Вейерманъ. Гр.

НЕ КОПИРОВАТЬ

Цѣна на годъ съ дост. 6 р. — »
 безъ дост. 5 » — »
 На полгода 3 » 50 »
 На три мѣсяца 2 » — »

Редакція: Малая Подъячская, д. 4, кв. 16.

СОДЕРЖАНІЕ: I. Христосъ въ гостяхъ у мужика.
 Н. Лѣсковъ. — II. Ночь на Рождество. Стихотв.
 Ѳ. Гуринъ. — III. Колядки. Вадимъ Пассежъ. — IV.
 Венеція. N. Z. — V. Отвѣтъ на ребусъ № 11.

ХРИСТОСЪ ВЪ ГОСТЯХЪ У МУЖИКА.

(Рождественскій разсказъ).

посвящается ХРИСТИАНСКИМЪ ДѢТЯМЪ.

АСТОЯЩІЙ разсказъ о томъ, какъ самъ Христосъ приходилъ на Рождество къ мужику въ гости и чему его выучилъ,—я слышалъ отъ одного стараго сибиряка, которому это событіе было близко извѣстно. Что онъ мнѣ разсказывалъ, то я и вамъ передамъ его же словами.

Наше мѣсто поселенное, но хорошее, торговое мѣсто. Отецъ мой въ эти мѣста прибылъ за крѣпостное время въ Россіи, а я тутъ и родился. Имѣли достатки по своему положенію довольные, и теперь не бѣдствуемъ. Вѣру держимъ простую, русскую. Отецъ былъ начитанъ и меня къ чтенію приохотилъ. Который человѣкъ науку любилъ, тотъ былъ мнѣ первый другъ, и я готовъ былъ за него въ огонь, и въ воду. И вотъ послалъ мнѣ одинъ разъ Господь въ утѣшеніе пріятеля Тимофея Осиповича, про котораго я и хочу вамъ разсказать, какъ съ нимъ чудо было.

Тимофеей Осиповъ прибылъ къ намъ въ молодыхъ годахъ. Мнѣ было тогда восемнадцать лѣтъ, а ему можетъ быть съ чѣмъ нибудь за двадцать. Поведенія Тимоша былъ самаго непостыднаго. За что онъ прибылъ по суду на поселеніе—объ этомъ по нашему положенію, щадя человѣка, не спрашиваютъ, но слышно было, что его дядя обидѣлъ. Опекуномъ былъ въ его сиротство, да и растратилъ, или взялъ, почти все его наслѣдство. А Тимофеей Осиповъ за то время былъ по молодымъ годамъ не терпѣливый, вышла у нихъ съ дядей ссора, и ударилъ онъ дядю оружіемъ. По милосердію Создателя, грѣхъ сего безумія не до конца совершился,—Тимофеей только ранилъ дядю въ руку насквозь. По молодости Тимофея большаго наказанія ему не было, какъ изъ первогильдейныхъ купцовъ сосланъ онъ къ намъ на поселеніе.

Имѣнье Тимошино, — хотя девять частей было разграблено, но однако и съ десятою частью еще жить было можно. Онъ у насъ построилъ домъ и сталъ жить, но въ душѣ у него обида кипѣла и долго онъ отъ всѣхъ сторонился. Сидѣлъ всегда дома и батракъ да батрачка только его и видѣли, а дома онъ все книги читалъ и самыя божественныя. Наконецъ мы съ нимъ познакомились, именно изъ-за книгъ, и я началъ къ нему ходить, а онъ меня принималъ съ охотою. Пришли мы другъ другу по сердцу.

Родители мои попервоначалу не очень меня къ нему пускали. Онъ имъ мудренъ казался. Говорили: „неизвѣстно какой онъ такой и за чѣмъ ото всѣхъ прячется. Какъ бы чему худому не научилъ“. Но я, бывъ родительской волѣ покоренъ, правду имъ говорилъ, отцу и матери, что ничего худого отъ Тимоѳея не слышу, а занимаемся тѣмъ, что вмѣстѣ книжки читаемъ и о вѣрѣ говоримъ. Какъ по святой волѣ Божіей жить надо, чтобы образъ Создателя въ себѣ не уронить и не обезславить. Меня стали пускать къ Тимоѳею сидѣть сколько угодно и отецъ мой самъ къ нему сходилъ,—а потомъ и Тимоѳей Осиповъ къ намъ пришелъ. Увидали мои старики, что онъ человѣкъ хороній и полюбили его, и очень стали жалѣть, что онъ часто сумрачный. Вспомнить свою обиду, или особенно если ему хоть одно слово про дядю его сказать—весь поблѣднѣетъ,—и послѣ ходитъ смутный и руки опуститъ. Тогда и читать не хочетъ, да и въ глазахъ вмѣсто всегдашней ласки—гнѣвъ горитъ. Честности онъ былъ примѣрной, и умница, но къ дѣламъ за тоскою своею не брался. Но скукъ его Господь скоро помогъ: пришла ему по сердцу моя сестра, онъ на ней женился и пересталъ скучать, а началъ жить да поживать, и добра наживать, и въ десять лѣтъ сталъ у всѣхъ въ виду какъ самый капитальный человѣкъ. Домъ вывелъ какъ хоромы хорошія; всѣмъ полно, всего вдоволь и отъ всѣхъ въ уваженіи, и жена добрая, а дѣти здоровыя. Чего еще надо? Кажется все прошлое горе позабыть можно, но онъ однако все таки помнилъ свою обиду и одинъ разъ, когда мы съ нимъ вдвоемъ въ телѣжкѣ ѣхали и говорили во всякомъ благодушій, —я его спросилъ:

— Какъ, братъ Тимоша, — при своихъ ли ты теперь?

— Въ какомъ, спрашиваетъ, это смыслъ?

— Имѣешь ли все то, чего въ своемъ мѣстѣ лишился?

А онъ сейчасъ весь поблѣднѣлъ и ни слова не отвѣтилъ, только молча лошадей правилъ.

Тогда я извинился.

— Ты, говорю, братъ, меня прости, что я такъ спросить... Я думалъ что лихое давно... минуло и позабылось.

— Нужды нѣтъ, отвѣчаетъ, что оно давно... минуло,— все помнится...

Мнѣ его жаль стало, только не съ той стороны, что онъ когда нибудь больше имѣлъ, а что онъ въ такомъ омраченіи: святое Писаніе знаетъ и хорошо говорить умѣетъ, а къ обидѣ такую память хранить. Значитъ его святое слово не пользуется.

Я и задумался, такъ какъ во всемъ его умнѣ себя почиталъ, и отъ него думалъ добрымъ разсужденіемъ пользоваться, а онъ зло помнить... Онъ это замѣтилъ и говорить:

— Что думаешь?

— А такъ, говорю, думаю что попало.

— Нѣтъ: ты это обо мнѣ.

— И о тебѣ думаю.

— Что же ты обо мнѣ думаешь?

— Ты, молъ, не сердись,—я вотъ что про тебя подумалъ. Писаніе ты знаешь, а сердце твое гнѣвно и Богу не покоряется. Есть ли тебѣ черезъ это какая польза въ Писаніи?

Тимофеей не осерчалъ, но только грустно омрачился въ лицѣ и отвѣчаетъ.

— Ты святое слово приводить не свѣдуешь.

— Это, говорю, твоя правда, я не свѣдуешь.

— Не свѣдуешь, говорить, ты и въ томъ, какія на свѣтѣ обиды есть, коихъ стерпѣть нельзя,—и рассказалъ мнѣ, что онъ не за деньги на дядю своего столь гнѣвень, а за другое,—чего забыть нельзя.

— Вѣкъ бы про это молчать хотѣлъ, но тебѣ, говорить, какъ другу моему откроюсь.

И открылъ мнѣ, что дядя смертно огорчилъ его отца, свелъ горемъ въ могилу его мать, оклеветалъ его самого, и при старости своихъ лѣтъ улестилъ и угрозами понудилъ од-

нихъ людей выдать за него за старика молодую дѣвушку, которую Тимоша съ дѣтства любилъ и всегда себѣ въ жену взять располагалъ.

— Развѣ, говоритъ, все это можно простить. Я его въ жизнь не прощу.

— Ну да, отвѣчаю, обида твоя велика,—это правда, а что святое Писаніе тебя не пользуется, и то не ложь.

А онъ мнѣ опять напоминаетъ, что я слабже его въ Писаніи, и начинаетъ доводить какъ въ Ветхомъ завѣтѣ святыя мужи сами беззаконниковъ не щадили и даже своими руками заклали. Хотѣлъ онъ, бѣднякъ, этимъ совѣсть свою передо мною оправдать.

А я отвѣтилъ.

— Тимоша! ты умникъ, ты начитанъ, и все знаешь и я противъ тебя по Писанію отвѣчать не могу. Я что и читалъ,—откроюсь тебѣ, не все разумѣю, поелику я человѣкъ грѣшный и умъ имѣю тѣсный. Однако скажу тебѣ: въ Ветхомъ завѣтѣ все ветхое, а въ Новомъ—яснѣе стоитъ: „возлюби, да прости“, и это мнѣ нравится какъ златъ ключъ, что всякій замокъ открываетъ. А въ чемъ же прощать, неужели не въ самой большой винѣ?

Онъ молчитъ.

Тогда я положилъ въ умѣ:

Господи! не угодно ли волѣ Твоей черезъ меня сказать слово душѣ брата моего? И говорю какъ Христа били, обижали, заплевали и такъ учредили, что одному Ему нигдѣ мѣста не было, а Онъ всѣхъ простилъ.

— Послѣдуй, говорю, лучше сему — а то я опасаюсь, что „многія книги безумнымъ ты творять“

— Ты, говорю, ополчись на себя. Пока, ты зло помнишь—зло живо,—а пусть оно умереть, тогда и душа твоя въ покоѣ жить станетъ.

Тимошей выслушалъ меня и сильно сжалъ мнѣ руку, но обширно говорить не сталъ, а сказалъ кратко:

— Не могу,—оставь,—мнѣ тяжело.

Я оставилъ. Зналъ что у него болитъ и молчалъ, а шло время и убыло еще шесть лѣтъ и во все это время я за нимъ наблюдалъ и видѣлъ, что все онъ страдаетъ, и что если пустить его на всю свободу, да если онъ достигнетъ гдѣ нибудь своего дядю,—забудетъ онъ все Писаніе и поработаетъ сатанѣ мстительному. Но въ сердцѣ своемъ я былъ покоенъ, потому что видѣлся мнѣ тутъ перстъ Божій. Сталъ уже онъ помалу показываться, ну такъ вѣрно и всю руку увидимъ. Спасетъ Господь моего друга отъ грѣха гнѣва. Но только шло это—удивительно.

* * *

Теперь Тимоѳеѣй былъ у насъ въ ссылкѣ шестнадцатый годъ и прошло уже пятнадцать лѣтъ какъ онъ женатъ. Было ему стало быть лѣтъ тридцать семь или восемь, и имѣлъ онъ трехъ дѣтей и жилъ прекрасно. Любилъ онъ особенно цвѣты—розаны и имѣлъ ихъ у себя много и на окнахъ, и въ палисадникѣ. Все мѣсто передъ домомъ было розанами покрыто, и черезъ ихъ запахъ былъ весь домъ въ благовоніи.

И была у Тимоѳеѣя такая привычка, что какъ близится солнце къ закату, онъ непременно выходилъ въ свой садикъ и самъ охорашивалъ свои розаны и читалъ на скамеечкѣ книгу. Больше, сколь мнѣ извѣстно, и то было, что онъ тутъ иногда молился.

Такимъ точно порядкомъ пришелъ онъ разъ сюда и взялъ съ собою Евангеліе. Пооглядѣлъ розаны, а потомъ присѣлъ, раскрылъ книгу и сталъ читать. Читаетъ какъ Христосъ пришелъ въ гости къ фарисею и Ему не подали даже воды, чтобы омыть ноги. И стало Тимоѳеѣю нестерпимо обидно за Господа и жаль Его. Такъ жаль, что онъ заплакалъ. Вотъ тутъ въ эту самую минуту и случилось чуду начало, о которомъ Тимоша мнѣ такъ говорилъ.

— Гляжу, говоритъ, вокругъ себя и думаю: какое у меня всего изобиліе и довольство, а Господь мой ходилъ въ такой бѣдности... И наполнились всѣ глаза мои слезами и никакъ ихъ сморгнуть не могу; и все вокругъ меня стало розовое,

даже самыя мои слезы. Такъ—въ родѣ забытья, или обморока и воскликнулъ я: Господи! еслибъ Ты бы ко мнѣ пришелъ,—я бы Тебѣ и себя самого отдалъ.

А ему вдругъ въ отвѣтъ откуда-то какъ въ вѣтеркѣ въ розовомъ дохнуло:

— Приду!

* * *

Тимоѳей съ трепетомъ приближалъ ко мнѣ и спрашиваетъ: какъ ты объ этомъ понимаешь: неужели Господь ко мнѣ можетъ въ гости придти?

Я отвѣчаю:—это, братъ, сверхъ моего пониманія. Какъ объ этомъ въ Писаніи?

А Тимоѳей говоритъ:

— Въ Писаніи есть: „все тотъ же Христосъ нынѣ и во вѣки“,—я не смѣю не вѣрить.

— Что же, говорю,—и вѣрь.

— Я велю что день на столѣ Ему приборъ ставить.

Я плечами пожалъ и отвѣчаю.

— Ты меня не спрашивай,—смотри самъ лучшее что къ Его волѣ, а въ приборѣ Ему обиды не считаю, но только не гордо ли это?

— Сказано, говоритъ: „сей грѣшники приѣмлетъ и съ мытарями ѣстъ“.

— А и то, отвѣчаю, сказано: „Господи! я не достоинъ, чтобы Ты взошелъ въ домъ мой“. Мнѣ и это нравится.

Тимоѳей говоритъ: ты не знаешь.

— Хорошо,—будь по твоему.

* * *

Тимоѳей велѣлъ женѣ съ другаго же дня ставить за столомъ лишнее мѣсто. Какъ садятся они за столъ пять чловѣкъ,—онъ, да жена, да трое ребяточекъ,—всегда у нихъ шестое мѣсто въ концѣ стола почетное, и передъ нимъ большое кресло.

Жена любопытствовала: что это,—къ чему и для кого? но Тимоѳей ей не все открывалъ, Женѣ и другимъ онъ

говорилъ только что такъ надо по его душевному обѣщанію „для перваго гостя“, а настоящаго, кромѣ его да меня, никто не зналъ.

Ждалъ Тимоѳеѣй Спасителя на другой день послѣ слова въ розовомъ садикѣ, ждалъ въ третій день, потомъ въ первое воскресенье,—но ожиданія эти были безъ исполненія. Долгодневны и еще были его ожиданія: на всякій праздникъ Тимоѳеѣй все ждалъ Христа въ гости и истомился тревогою, но не ослабѣвалъ въ упованіи, что Господь свое обѣщаніе сдержитъ,—придетъ. Открывалъ мнѣ Тимоѳеѣй такъ, что „всякій день, говоритъ, я молю: ей гради, Господи!“ и ожидаю, но не слышу желаннаго отвѣта: „ей гряди скоро!“

Разумъ мой недоумѣвалъ, что отвѣчать Тимоѳеѣю, и часто я думалъ, что другъ мой загордѣлъ и теперь за то путается въ напрасномъ оболъщеніи. Однако Божіе смотрѣніе о томъ было иначе.

* * *

Наступило Христово Рождество. Стояла лютая зима. Тимоѳеѣй приходитъ ко мнѣ на сочельникъ и говоритъ:

— Братъ любезный, завтра я дождусь Господа.

Я къ этимъ рѣчамъ давно былъ безотвѣтенъ, и тутъ только спросилъ:

— Какое же ты имѣешь въ этомъ увѣреніе?

— Нынѣ, отвѣчаетъ, только что я помолилъ „ей гради, Господи!“ какъ вся душа во мнѣ всколыхнулась и въ ней словно трубой вострубило.

— „Ей гряди скоро!“—Завтра Его святое Рождество—и не въ сей ли день Онъ пожалуетъ. Приди ко мнѣ со всѣми родными, а то душа моя страхомъ трепещетъ.

— Я говорю, Тимоша! знаешь ты, что я ни о чемъ этомъ судить не умѣю, и Господа видѣть не ожидаю, потому-что я мужъ грѣшникъ,—но ты намъ свой человекъ,—мы къ тебѣ придемъ. А ты если уповательно ждешь столь великаго гостя, зови не своихъ друзей, а сдѣлай Ему угодное товарищество.

— Понимаю, отвѣчаетъ, и сейчасъ пошлю служащихъ у меня и сына моего обойти села и звать всѣхъ ссыльныхъ—кто въ нуждѣ и въ бѣдствіи. Явитъ Господь дивную милость,—пожалуетъ, такъ встрѣтитъ все по заповѣди.

Мнѣ и это слово его тоже не нравилось.

— Тимоѳей, говорю, кто можетъ учредить все по заповѣди. Одно не разумѣешь, другое забудешь, а третье исполнить не можешь. Однако, если все это столь сильно „трубить“ въ душѣ твоей, то да будетъ такъ, какъ тебѣ открывается. Если Господь придетъ, онъ все чего не достанетъ пополнить и если ты кого Ему надо забудешь, Онъ самъ приведетъ.

* * *

Пришли мы въ Рождество къ Тимоѳею всей семьей, попозже, какъ ходятъ на званый столъ. Такъ онъ звалъ, чтобы всѣхъ дожидаться. Застали большія хоромы его полны людей, всякаго нашенскаго, сибирскаго, засыльнаго роду.— Мужчины и женщины и дѣтское поколѣніе, всякаго званія и изъ разныхъ мѣстъ,—и россійскіе, и поляки, и чухонской вѣры.—Тимоѳей собралъ всѣхъ бѣдныхъ поселенцевъ, которые еще съ прибытія не оправились на своемъ хозяйствѣ. Столы большіе, крыты скатертями, и всѣмъ чѣмъ надобно. Батрачки бѣгаютъ, квасы и чаши съ пирогами разставляютъ. А на дворѣ уже смеркалося, да и ждать больше было некого: всѣ послы домой возвратились и гостямъ не откуда больше быть, потому что на дворѣ поднялась мятель и выюга какъ свѣтопреставленіе.

Одного только гостя нѣтъ и нѣтъ,—Который всѣхъ дороже.

Надо было уже и огни зажигать, да и за столъ садиться, потому что совсѣмъ темно понадвинуло и всѣ мы ждемъ въ сумракѣ при одномъ маломъ свѣтѣ отъ лампадъ передъ иконами.

Тимоѳей ходилъ и сидѣлъ и былъ видно въ тяжелой тре-

вогѣ. Все упованіе его поколебалось, — теперь уже видное дѣло, что не бывать „великому гостю“.

Прошла еще минута и Тимоѣей вздохнулъ, взглянулъ на меня съ унылостью и говоритъ:

— Ну, братъ милый,—вижу я, что либо угодно Господу оставить меня въ посмѣяніи, либо правъ ты: не умѣлъ я собрать всѣхъ кого надо чтобъ Его встрѣтить. Будь о всемъ воля Божія: помолимся и сядемъ за столъ.

Я отвѣчаю:—читай молитву.

Онъ сталъ передъ иконою и вслухъ зачиталь: „Отче нашъ, иже еси на небеси“, а потомъ „Христось рождается, славите, Христось съ небесъ, срящите, Христось на земли“...

И только это слово вымолвилъ, какъ что-то такъ страшно ударило со двора въ стѣну, что даже все зашаталось, а потомъ сразу же прошелъ шумъ по широкимъ сѣнямъ и вдругъ двери въ горницу сами вскрылися навстежъ.

*
*
*

Всѣ люди сколько тутъ было въ неописанномъ страхѣ шарахнулись въ одинъ уголь, а многіе упали, и только кои всѣхъ смѣлѣе на двери смотрѣли. А въ двери на порогѣ стоялъ старый—престарый старикъ, весь въ худомъ рубищѣ, дрожить и чтобы не упасть, обѣими руками за притолки держится; а изъ-за него изъ сѣней, гдѣ темно было—неописанный розовый свѣтъ свѣтитъ и черезъ плечо старика впередъ въ хоромину выходитъ бѣлая какъ изъ снѣга рука, и въ ней длинная глиняная плошка съ огнемъ, такая какъ на бесѣдѣ Никодима пишется... Вѣтеръ съ вьюгой съ дворя рветъ, а огня не колышетъ... И свѣтитъ этотъ огонь старику въ лицо и на руку, а на рукѣ въ глаза бросается заросшій старый прамъ весь побѣлѣлъ отъ стужи.

Тимоѣей какъ увидалъ это—вскричалъ:

— Господи! вижду и приму его во имя Твое, а Ты самъ не входи ко мнѣ: я человѣкъ злой и грѣшный, — да съ этимъ и поклонился лицомъ до земли. А съ нимъ и я упалъ

на землю отъ радости, что его настоящей покорностью тронуло, и воскликнулъ всѣмъ вслухъ:

— Молитесь: Христосъ среди насъ!

А всѣ отвѣчали:

— Аминь,—то есть „истинно“.

* * *

Тутъ внесли огонь,—я и Тимофеей восклонились отъ полу, а бѣлой руки уже не видать,—только одинъ старикъ остался.

Тимофеей всталъ, взялъ его за обѣ руки и посадилъ на первое мѣсто. А кто онъ былъ этотъ старикъ—можетъ быть вы и сами догадаетесь,—это былъ врагъ Тимофея, — дядя, который всего его раззорилъ. Въ краткихъ словахъ онъ сказалъ, что все у него прошло прахомъ, и семьи, и богатства онъ лишился, и ходилъ давно, чтобы отыскать племянника и просить у него прощенія. И жаждалъ онъ этого и боялся Тимофеева гнѣва, а въ эту мятель сбился съ пути и замерзая, чаялъ смерти единой.

— Но вдругъ, говорить, кто-то невѣдомый осіялъ меня и сказалъ: „иди, согрѣйся на Моемъ мѣстѣ и поѣшь изъ Моей чаши“, взялъ меня за обѣ руки и я сталъ здѣсь, самъ не знаю отколѣ.

А Тимофеей при всѣхъ отвѣчалъ:

— Я дядя, твоего Провожатаго вѣдаю: это Господь, который сказалъ: „аще алчетъ врагъ твой—ухлѣби его, аще жаждетъ—напой его“. Сядь у меня на первомъ мѣстѣ—ѣшь и пей во славу Его, и будь въ дому моемъ во всей волѣ до конца жизни.

Съ той поры старикъ такъ и остался у Тимофея и умирая благословилъ его, а Тимофеей сталъ навсегда миренъ въ сердцѣ своемъ.

~~~~~

Такъ наученъ былъ мужикъ устроить въ сердцѣ своемъ ясли для рожденнаго на землѣ Христа. И всякое сердце тоже

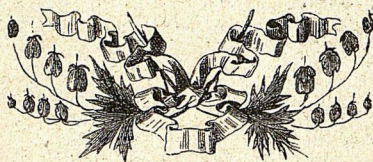

можетъ быть такими яслями, если оно исполнитъ заповѣдь:
„любите враговъ вашихъ, благотворите обидѣвшимъ васъ“
и Христосъ придетъ въ сердце его, какъ въ убранную гор-
ницу, и сотворитъ себѣ тамъ обитель.

Николай Лѣсковъ.

25-го декабря 1880 года.

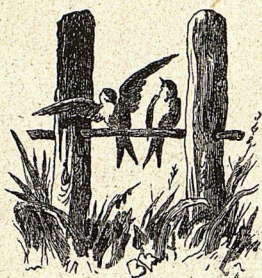
С.-Петербургъ.

НОЧЬ НА РОЖДЕСТВО.

ИГДѢ кругомъ не слышно звука..
Глухая ночь весь мѣръ земной
Одѣла темной пеленой —
Заснули счастье и мука.
Лишь звѣзды въ дальнихъ небесахъ
Горятъ въ мерцающихъ огняхъ...
Все тихо въ комнатѣ знакомой,
Въ ней полумракъ кругомъ царить,
Лишь свѣтомъ трепетнымъ горитъ
Лампада тихо предъ иконою.
Кроватка дѣтская въ углу
Видна сквозь комнатную мглу.
Въ своей постелькѣ одинокой
Малютка мальчикъ сладко спитъ
И греза быстро въ край далекій
Его на крыльяхъ легкихъ мчитъ...

Малюткѣ снится чудный сонъ.
Онъ видитъ ясно: будто онъ
Идетъ прелестною долиною;
Предъ нимъ чарующей картиной
Цвѣты пестрѣютъ межъ травой,
Маня волшебною красой.
Надъ ними бабочки носились,
Кружась, весело рѣзвились,
И золотые мотыльки

Слетались тамъ на васильки.

Порхала птицъ тамъ рѣдкихъ стая
И звонко пѣла пѣсню мая,

Такую пѣсню въ жизнь свою
Онъ не слыхалъ въ родномъ краю.

Весь, ароматомъ напоенный,
Такъ чистъ былъ воздухъ благовонный,
Что, мнилось, будто этотъ край
Былъ благодатный Божій рай.

Но неба чистый сводъ, лазурный
Вдругъ принялъ яркій цвѣтъ, пурпурный —
На немъ, что солнышко, свѣтла
Звѣзда предивная взошла;

И, какъ корабль въ безбрежномъ морѣ,
Въ небесномъ блещущемъ просторѣ,
Разливъ кругомъ лучей потокъ,
Она шла прямо на Востокъ.

И за звѣздою этой чудной,
Свершая путь далекій, трудный
Идутъ три путника тропой
Въ молчаньи медленной стопой.

Они малютку увидали
И съ лаской нѣжною сказали
Ему: „пойдемъ, дитя, пойдемъ
За нами! Мы теперь идемъ

Христу-младенцу поклониться,
Который въ эту ночь родится;
Мы—мудрецы, и насъ туда
Ведетъ та свѣтлая звѣзда!“

Малютка тотчасъ согласился
И вмѣстѣ съ ними въ путь пустился...

Идутъ... Вотъ городъ показался
(Онъ Вилеемомъ назывался);

Невдалекѣ была видна
Пещера бѣдная одна.

Съ сердечнымъ трепетомъ, съ тревогой
Они взошли въ шалашъ убогій,

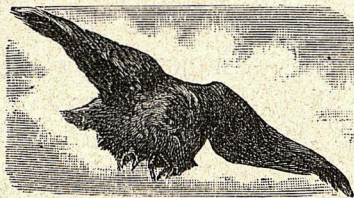
Гдѣ человекъ не обиталъ:
Тамъ лучезарный свѣтъ сіялъ.

Но не въ порфирѣ, не въ коронѣ
И не на царскомъ пышномъ тронѣ,

И не въ палатахъ, гдѣ нарядъ
Пугаетъ часто блескомъ взглядъ—
Нѣтъ! Царь вселенной всей огромной,
Какъ сирота простой бездомный,
Средь бѣдныхъ яслей въ пеленахъ
Лежалъ съ смиреніемъ въ очахъ...
О, какъ младенецъ былъ прекрасенъ!
Какъ Божій день, какъ солнце ясенъ,
И, глядя, каждый видѣть могъ,
Что Онъ воистинну былъ Богъ.
Надъ Нимъ, любовію сіяя,
Склонилась Мать Его Святая...
Въ благоговѣннѣи и страхѣ
Волхвы упали ницъ во прахѣ
Передъ Спасителемъ-дтей
И принесли дары съ хвалой.
Но вотъ все небо озарилось:
То дверь небесная раскрылась,
И въ яркомъ свѣтѣ, будто днемъ,
Явились ангелы на немъ.
Одежды чудно ихъ блестѣли,
Они всѣ сладко, стройно пѣли:
То неземныя ихъ уста
Младенца славили Христа.
Малютка мальчикъ вострепнулся,
Хотѣлъ запѣть и... вдругъ очнулся:
Въ его ужъ комнату давно
Глядѣло солнышко въ окно.
Его давно будила мать:
„Проснись, мой другъ, пора вставать!“

Р. Гуринъ.

КОЛЯДКИ,

или

СВЯТОЙ ВЕЧЕРЪ.

ОЛѢКО что народъ возвратится отъ рождественской заутрени, нищіе — старцы и дѣти идутъ по хатамъ славить Христа. Поютъ стихи на голосъ херувимской молитвы и говорятъ вирши.

Иногда съ голосомъ сливаются звуки скрипки.

День проходитъ тихо, семейно.

Настаетъ рождественскій вечеръ. По хатамъ начинаютъ собираться гости: поздравляютъ хозяевъ съ праздникомъ, хозяева ставятъ на столъ водку, кто побогаче и позапасливѣе, у того есть и сливянка. На тарелкахъ или въ чашкахъ стоятъ орѣхи, на платкѣ положены пряники. Тихо льется разговоръ; медленно, съ поклонами обноситъ хозяинъ гостей чаркою вина — гости становятся веселѣе и разговорчивѣй. Рѣчь переходитъ отъ Саввы Чалаго къ исправнику, отъ окружнаго къ запорожью.

А старый Павло думаетъ, куда это заѣхалъ братъ Петро? или не успѣлъ онъ продать хлѣба, или загулялъ.

— А что, Оксана, гдѣ-то теперь Петро? спрашиваетъ онъ Оксану, куда это онъ заѣхалъ?

— Да развѣ не видите, тату, что за мятель поднялась, такъ и бьетъ въ глаза. Можетъ поѣхалъ, да и остановился на постояломъ.

Въ самомъ дѣлѣ безоблачное небо залилось туманомъ; мѣсяцъ, охваченный радужнымъ вѣнцомъ, свѣтилъ тускло, порывистый вѣтеръ налеталъ на деревья и хаты, свистѣлъ въ обнаженныхъ вѣтвяхъ и съ шумомъ приподымалъ на кровляхъ тростникъ и солому. Окрестность струилась бѣгущими полосами снѣга; степь волновалась сухой мятелью.

А Петро былъ уже съ версту отъ своей деревни. Тьфу ты проклятая мятель! говорилъ онъ... Вотъ, вотъ еще немного — и дома, такъ нѣтъ: то дорога выскользнетъ изъ-подъ ногъ; то конь завезетъ въ сугробъ; то вдругъ завоетъ вѣтеръ, засвиститъ, да цѣлой тучей снѣга и льда прямо въ лицо, — свѣта не взвидишь, даже конь станетъ и ни съ мѣста. Измучился Петро, прозябъ Петро; не помогъ ему ни кожухъ, ни свита съ видлагой: *) вѣтеръ пронизалъ его; снѣгъ пробился за одежду.

— Ахъ ты проклятая мятель! А что, Микита, видалъ ты такую завирюху? — закричалъ Петро своему работнику.

— Ни, не видалъ! — не дай Господи.

— А мы видѣли! — онъ остановился, досталъ водки, далъ выпить работнику, выпилъ самъ, поѣхалъ и запѣлъ сколько было силы.

Ноги его грузли въ снѣгу, вѣтеръ развѣвалъ и срывалъ платье и разносилъ слова пѣсни; клубы снѣга засыпали его.

— А что, Микита? чего тутъ страшнаго, дурень? — прокричалъ Петро, выбившись изъ силъ; сѣлъ на сани, ударилъ по лошади; но лошадь не съ мѣста: сани загрузли. Кругомъ нѣтъ признака дороги; нѣтъ примѣтъ жилья, не свѣтитъ

*) Кожухъ — тулупъ; свита — армякъ, верхняя суконная одежда; видлаго — капишонъ на свитѣ, который надѣвается въ мятель и морозъ на голову сверхъ шапки.

огонь, не доносится лай собаки. Кругомъ пустыня по́ля и бурнаго неба. Микита крестился и читалъ молитву; Петро не былъ трусомъ и шутя переживалъ жизнь; но теперь видѣлъ, что дѣло плохо. Приходилось ночевать въ полѣ, а ночевать страшно: вѣтеръ сильно прохватываетъ; тѣло стынетъ!.. Вдругъ слышались голоса...

— Слышишь, Микита? вскрикнулъ Петро. Пойдемъ искать дороги! деревня близко. Слышишь, наши поютъ.

Въ самомъ дѣлѣ донеслись голоса пѣсни: деревня была подлѣ. Оба путника перекрестились и смѣлѣе начали выбиваться изъ снѣжнаго моря...

Мятель не помѣшала народному обычаю. Толпы парубковъ и дѣвчатъ бѣгали отъ хаты къ хатѣ и колядовали. Только что Павло разговорился про старину и завелъ рѣчь о томъ, какъ прежде все было лучше на свѣтѣ: и парубки веселѣе и дѣвчата красивѣй, вдругъ послышался шумъ у окна, кто-то стукнулъ въ ставень и спросилъ звонкимъ голосомъ:

— Чи колядовати!

— Вотъ и колядовщики! — сказала Павло — колядуйте!

— А кому колядовать, дѣвчинѣ или хлопцу?

— Да, хлопцу! — и старикъ, пріосанившись, погладилъ усы, прислонился къ стѣнѣ и началъ накладывать трубку.

Десятки женскихъ голосовъ раздались подлѣ окна:

Ой, рано, рано куры запѣли,

Ой, дай Боже, куры запѣли,

Святой вечеръ!

— Дай Боже вечеръ добрый! Будь хозяинъ здоровъ! съ праздникомъ, съ Рождествомъ Христовымъ!

— Здравствуйте, съ праздникомъ!

— А ну еще! Да идите въ хату: я васъ до-лиха угощу!

И цѣлая толпа колядовщицъ въ пестрыхъ нарядахъ, въ большихъ чоботахъ, въ шубахъ и свиткахъ, занесенныхъ снѣгомъ, ввалила въ хату.

— Спасибо!

Кобзарь-повѣствователь со своею бандурой.

— Оксана, давай водки! А это кто? — спросил старикъ, увидѣвши высокаго парубка, который молча стоялъ у дверей и держался обѣими руками за пустой мѣшокъ, повѣшенный черезъ плечо.

— Да то нашъ мѣхоноша, дидусю! Мы на колядуемъ и пироговъ, и паляницъ, и сала, а онъ носитъ за нами.

— А поди сюда, мѣхоноша! можетъ водки выпьешь?

— Да, выпью! — отвѣчалъ мѣхоноша, и протерся сквозь толпу колядовщицъ.

— Это Степанко? сказалъ старикъ.

— А тожъ! — отвѣчалъ парубокъ.

— Выпей, добрый человѣкъ!

— А, ну, еще колядку да веселѣе, ну, дивчата!

Ой, славенъ казакъ да старый Павло;

Ой, дай Боже святой вечеръ!

— Будьте здоровы, старый казакъ Павло! Дай Боже вечеръ добрый!

— Вотъ спасибо! Оксана, подноси имъ! — Да, когда-то Павло былъ славный казакъ! Бывало выйдешь на улицу — и молодицы и дѣвчата сами напередъ здороваются: „здравствуйте Павло! здравствуйте, здоровы-ли“? — Да, здоровъ, спасибо! вы здоровы ли? — И въ парубкахъ былъ вожакомъ; и на сѣнокосѣ, бывало, всѣ станемъ рядомъ, я съ краю, да какъ махнемъ разъ, два, три, — смотреть, а я ужъ впереди...

— Татусю! пустите меня съ дѣвчатами! — просила Галя.

— Зачѣмъ съ дѣвчатами?

— Да колядовати!

— Колядовати?

— Пустите, татусю! проговорили вдругъ нѣсколько дѣвчатъ. Пустите!

— Ну, пусть идетъ! да скорѣй приходи!

— Спасибо за хлѣбъ, за соль, за ласку! кричали дѣвчата и стали выходить изъ хаты.

—Куда вы, постойте! Оксана дай имъ паляницъ, давай имъ пироговъ, давай грошей.

Вскорѣ колядовцы пѣли уже у другой хаты.

За пѣснею слышались крики, хохотъ, голоса ребятишекъ, у которыхъ колядовщицы, на смѣхъ, отнимали мѣшокъ съ колядкой, т. е. со всѣмъ, что они успѣли собрать по деревнѣ пѣснями.

Звонко раздавались ихъ голоса, слова колядки разносиль вѣтеръ...

И толпы гуляющихъ заняли улицу, на встрѣчу имъ показались двое саней.

— Дѣвчата! видите сани, а знаете что? сядемъ въ сани!

— Здравствуйте, дядюшка! здравствуйте! здравствуйте!— и дѣвчата и парубки посыпались въ сани, кому какъ удалось.

Лошади остановились.

— Чего вы, дѣвчата! эй, хлопцы! ну, васъ! насъ не много не замело съ Микитой!

— Да это вы, дядюшка Петро? какъ можно чтобъ васъ занесло! ни, не дай Боже! Станемъ лучше колядовать!—и потащили его изъ саней.

— А, ну-те, дядюшка: гопъ, гопъ! гоць, гоць!—и одна изъ дѣвчатъ начала выплясывать казачка.

Петро былъ навеселѣ и любилъ танцовать; но на этотъ разъ у него негнулись какъ-то ноги, и удалъ оставила его.

— Гопъ, гопъ! кричала дѣвушка, брякала подковками, и весело запѣла:

Ой, черезъ рѣчку,
Черезъ болото,
Дай мини рученьку,
Мое золото!

Петро, перебирая ногами на одномъ мѣстѣ, отвѣчалъ:

Ой, черезъ рѣчку,
Черезъ быстрю,
Дай мини серденько
Хоть и другую...

Ай, да Петро!

И Петро, разшевеливаясь, запѣлъ:

Ой не витиль мѣсяць свѣте
Виткиль ясна зирка.

— Да что вы дѣлаете? кричалъ Микита, расталкивая дѣвчатъ. Пора до дому! говорилъ онъ Петру, и тащилъ его въ сани. А Петро пѣлъ:

— Ой жена до дому,
до дому!

— Бѣсе муже не пиду,
не пиду!

— Не пиду! какъ не пиду! Будетъ тебѣ не пиду.
Микита свалилъ его въ сани и повезъ домой.

Толпа съ пѣснями повалила вдоль улицы.

— Зайдемте еще къ Стехи, проколядуемъ ей. Онѣ подошли къ первой хатѣ и запѣли.

Отвѣта не было. Колядовщики пошли дальше.

— Прощайте, дѣвчата, пора домой! сказала Галя.

— У стараго Павла ложились спать. Ивась давно спалъ. Петро, выпивши горѣлки съ перцемъ, согрѣлся и не помнитъ какъ уснулъ.

— Поздно, доню! поздно, Галю!—сказалъ отецъ вошедшей дочери.

— Еще дѣвчата колядуютъ, татусю; только я пришла домой!

— Чего они колядуютъ, когда люди спятъ! — А у его оконъ вдругъ раздалась колядка:

Ой на горѣ яворъ зеленый, кудравый!
Радуйся, ой, радуйся земле,
Веселися Боже нашъ,
Что породивъ насъ!

.....
.....

Не кончивши колядки, парубки поздравляли хозяина съ праздникомъ.

Изъ хаты отвѣта не было.—Пусть ихъ идутъ! говорилъ про себя старикъ!

— Дай, Боже, вечеръ добрый! раздались десятки голосовъ.

— Чего вы кричите! дѣтину разбудите! отвѣчалъ старикъ.

Колядовщики побѣжали отъ окна, и снова доносились ихъ пѣсни.

Живо хлопцы! живо ребята! музыка! живѣе! кричалъ Грицко, выплясывая гопака. Музыка играла, парубки пѣли.

А Грицко, взявшись за кушакъ, выдѣлывалъ такія штуки ногами и въ бокъ, и прямо, и назадъ, и мелкой дробью, и въ присядку, и такъ ловко и важно поправлялъ смушковую шапку, что и рассказать невозможно...

У Павла въ хатѣ тихо. — Галя не вытерпѣла, одѣлась, перекрестилась и пошла.

— Пошла таки на вечерницу! подумалъ старикъ. Я зналъ что пойдетъ. Да пусть идетъ, только бѣ боялась, что батько узнаетъ. Видишь, думаетъ, что я сплю, такъ и не слышу. Ни, не тотъ человѣкъ.

— Галя! Галичка! Серденько! А ну, музыка! вскричалъ Гриць, и не давши ей какъ должно поздороваться, уже танцевалъ съ ней трепака. А на селѣ никто лучше Грица не танцевалъ трепака, да и Галя не отставала: что за узоры выдѣлываетъ ногами; а перебираетъ ими такъ складно, такъ скоро, что глазамъ больно; а подковками въ разъ, да въ разъ: шелкъ, брякъ; шелкъ, брякъ. Боже мой Господи, какая мастерица!..

Меланки, богатый вечеръ или щедровки.

— Нѣтъ, Оксана, такъ страшно! право страшно!

— Чего-жь тутъ страшнаго?

— А какъ онъ закричитъ, такъ меня и поймають.

— Да ты возьми его, да скорѣй въ мѣшокъ, чтобъ некогда было кричать.

— Какъ же я найду его? вѣдь я не знаю, гдѣ онъ сидитъ. Нѣтъ, Оксана, страшно, право страшно!

— Ну, какъ хочешь, Галю...

— У кого-жъ я, сестра, возьму?

— Да у кого хочешь, у того и возьмешь.

— Нѣтъ, скажи, Оксана, у кого лучше?

— Поди ты къ Грицю, тамъ и возьми свою долю, либо недолю! А знаешь что, Галю? ты скажись Настусѣ: ужъ какъ она захочетъ, такъ оно и будетъ.

— А Настуся легка на поминѣ, тутъ и есть.

— Здравствуйте, Оксана, здравствуй, Галю!—и дѣвушки поцѣловались.—Знаешь, Галю, будемъ сегодня гадать!

— Я сама думала, да боюсь, какъ возьмешь его, а онъ закричитъ, люди и услышатъ.

— Кто закричитъ?

— Да пѣтухъ!

— Пѣтухъ! если ты хочешь пѣтухомъ гадать, такъ возьми у насъ: я дамъ тебѣ такого пѣтуха, что во всей слободѣ не найдешь другаго.

Между тѣмъ въ другой хатѣ, Одарка—сбиралась съ подругами также на промыслъ за пѣтухомъ и выборъ палъ также на Грица.

Пока дѣвчата толкуютъ и собираются на охоту за пѣтухами, нашъ старый знакомый, Степанко, что былъ мѣхоншей у дѣвчатъ, когда онѣ колядовали, сидитъ и учитъ щедровать ребятишекъ.

— Слушайте, мелкота, пойдемъ вмѣстѣ со мною, только учитесь какъ пѣть; а кто не умѣетъ, пусть молчитъ. Ну, начинайте.

— Грицко не отставай!

Ой, ясна красна у лузѣ калина,

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,

Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

А еще красѣйша у Василька дочка...

Степанко шель какъ великанъ посерединѣ ребятишекъ; черезъ плечо перекинуть у него мѣшокъ; одной рукой держался онъ за кушакъ, другая была на волѣ; шагъ широкій, поступь медленна; смушковая шапка будто сейчасъ изъ лавки.

— Къ кому же идти сперва, дядюшка?—спрашивали его ребятишки.

— Идите сперва къ Павлу!—А Павло, отдохнувши въ своемъ любимомъ уголкѣ, сидѣлъ на лавкѣ, подлѣ стола, и игралъ съ внучкомъ. Мальчикъ тянулъ его за посѣдѣлые усы, бралъ его за чупрыну—старикъ смѣялся и тѣшилъ ребенка... давалъ ему пряниковъ и разбивалъ орѣхи, которыми Галя угощала Настюсю.

— Помогай Богъ!—раздалось за окномъ.

— Спасибо! отвѣчалъ Павло!

— Чи щедрувати?

— Щедруй!

И хоръ ребятишекъ, мальчиковъ и дѣвочекъ, запѣлъ:

Чи дома панъ Господарь?

Щедрый вечеръ, добрый вечеръ,

Добрымъ людямъ на весь вечеръ!

Ой, я знаю, что онъ дома,

Сидитъ онъ въ концѣ стола...

— Какъ будто знаютъ, гдѣ я сижу! проговорилъ старикъ, а Ивась и поймалъ его за усъ. — Слушай, хлопчикъ, слушай, Ивасю!

— Дай, Боже, хозяину вечеръ добрый, и съ дѣтками и съ хозяйкою, а намъ пирегъ долгій! На всю лопату! такой—съ твою хату!

— Съ хозяйкою!—сказалъ про себя Павло, и на лицѣ его выступило горе!—Съ хозяйкою!—тихо повторилъ онъ. Да! когда бѣ жива была моя Маруся... нѣтъ теперъ не живутъ такъ на слободѣ... а внучатъ не привелъ Богъ видѣть... и

онъ крѣпче прижалъ къ себѣ Ивася, и выпавшая изъ глазъ слеза катилась по стезѣ, пробитой лѣтами и горемъ. Последнее время, старикъ какъ-то чаще вспоминалъ про Марусю—и даже плакалъ. Дитя не сводило съ него глазъ и тоже не знало играть ли ему или плакать...

— А что щедровать?—спросили за окномъ.

— Нѣтъ, спасибо! Оксана дай имъ чего нибудь.

— Знаете ли вы—спросилъ старикъ у дочерей, что каждая звѣздочка на небѣ—душа человѣческая?

— А мой отецъ говорить, отвѣчала Настуся, что это ангелы смотрять въ окошечки.

— Да, оно такъ и будетъ. Чья душа на небѣ, та и ангельская. Вотъ, кто жилъ на землѣ праведно, тотъ въ царствѣ небесномъ живетъ ангеломъ, а какъ настанетъ ночь—душа и смотритъ опять на родное мѣсто: что дѣти думаютъ, что отецъ съ матерью дѣлаютъ, какъ мужъ вѣкъ доживаетъ.

Ребята пѣли, прыгали, и танцовали, и толкались; изъ хаты вынесли паляницу—и Степанко, принявъ ее въ безконечный мѣшокъ, повелъ команду далѣе.

— Пора, Галю, пойдемъ гадать! говорила Настя.

Онѣ вышли изъ хаты и остановились у воротъ.

— Знаешь что, Галю? погадаемъ въ которой сторонѣ наша доля! и снявши съ правой ноги черевикъ, бросила его черезъ ворота.

— Вотъ такъ! это что за штука? кто-то проговорилъ за воротами.

Галя то же сняла и бросила.

— Это что за кумедія? проговорилъ тотъ-же голосъ.

Дѣвчата выбѣжали за ворота, а Петро стоитъ и держитъ въ обѣихъ рукахъ по башмаку.

— Вотъ, спасибо, дѣвчата! Теперь мнѣ есть въ чемъ танцовать.

Выплясывая, Петро хотѣлъ увернуться отъ дѣвчатъ; но дѣвчата поймали его за руки: отдайте, дядюшка! чего вы смѣтесъ! отдайте—и отняли свои черевички.

Вбѣжавши въ хату, Галя и Настуся забрались въ камору стараго Павла и принялись гадать. На опрокинутой кадкѣ стоялъ свѣточъ или каганецъ; на полу ходилъ пѣтухъ, представитель Грица, и курица—Гали, снятая съ домашней насѣсти. На полу насыпано ячменное зерно; въ черепкѣ поставлена вода. Галя и Настуся молчали. Долго пѣтухъ смотрѣлъ на свѣточъ, вытягивая шею на всѣ стороны. Вдругъ взмахнулъ, запѣлъ, раскинулъ крыло, сдѣлалъ кругъ—и началъ клевать зерна и кликать къ себѣ курицу... она что-то тихонько проговорила, подбѣжала къ нему, и они дружно стали подбирать ячмень и запивать водою.

— Ну, Галю! быть тебѣ замужемъ, и мужъ будетъ чловѣкъ веселый, славный! Вотъ прошлаго года Ивочка гадала, такъ пѣтухъ началъ бить курицу; это не хорошо, не къ добру. А тебѣ къ счастію, Галя.

— Что еслибъ, Настуся, еще погадать, будетъ ли мужъ добрый, не будетъ ли браниться!

— Какъ же ты хочешь гадать?

— Да такъ! знаешь... на снѣгу.

— На снѣгу! ну, ты гадай, а я не буду!

Обѣ дѣвчины пошли по колѣно въ снѣгу черезъ токъ, въ садъ. Галя остановилась; осмотрѣлась кругомъ: нѣтъ никого.—Вотъ здѣсь, Настуся! А что можно?

— Да, можно! отвѣчала Настуся.

Галя сняла кафтанъ и отдала его подругѣ; сняла корсетъ; развязала поясъ—и плахта упала на снѣгъ, и сорочка, подобранная подъ кушакъ, сбѣжала до полу.

— Смотришь, Настусю! Хорошенько смотри.

Тихо легла Галя на снѣгъ. Снѣгъ обхватилъ и запечатлѣлъ формы ея тѣла. Черезъ минуту она была уже одѣта и загадывала:

„Если будетъ у меня мужъ добрый и богатый, тогда тѣнь моя будетъ чиста и не помята, а если сердитый, то и звѣри тѣнь мою потопчутъ и птицы разгребутъ и вѣтромъ замететъ“.

— Что-то будетъ, Настуся! Посмотримъ.

Новый годъ.

Едва занялся свѣтъ, въ хатахъ топятся печи: огонь блеститъ на окнахъ; дымъ легко вьется въ воздухъ.

Галя стоитъ въ саду и смотритъ на свою тѣнь! кругомъ трескочутъ сороки, прыгая по деревьямъ и съ вѣтокъ валится снѣгъ. Кажется все хорошо: ни звѣрь не проложилъ слѣда на ея тѣни, ни птица не разгребла ногами; правда какой-то звѣрекъ раза два обошелъ кругомъ, да не переступилъ: почуялъ ли онъ близость человѣка, или такъ не хотѣлъ помѣшать счастью Гали, не знаю—только не переступилъ. Но что-жь это значить? зачѣмъ на ея тѣни лежитъ прутикъ? видно сороки прыгали и обломили вѣтку. Что-жь онъ значить? Должно быть ничего, такъ!—Еслибъ встала пораньше, такъ не было бы прутика, говоритъ Галя и, задумавшись, идетъ въ хату.

Старикъ уже всталъ и помолился Богу. Петро только что умывался. Дверь отворилась, въ хату вошли трое дѣтей. Въ приполкахъ были у нихъ пшеничныя, ячменныя и просяныя зерна! Еще не здороваясь съ хозяиномъ, они пошли кругомъ хаты, разсыпали зерна по окошкамъ, по лавкамъ, на полу и припѣвали:

На счастье! на здоровье!
На новый годъ!
Роди, Боже, жито, пшеницу,
И всяку пашницу!
Жита кошку
И горошку мѣрку!

— Будьте здоровы! съ праздникомъ, съ новымъ годомъ!

Оксана дала имъ по пшеничному хлѣбцу, испеченному нарочно для этого случая. Они пошли въ слѣдующую хату; а къ Павлу вошли новые поздравители. Такъ ходили по хатамъ дѣти и сыпали зерна и пѣли до самой обѣдни.

А у Гали все одно на умѣ: что это значить прутикъ? вѣрно Настуся знаетъ, что онъ значить.

Зато какъ пришла голодная кутья или крещенскій сочельникъ—всѣ пріутихли, какъ будто и праздника не было. Опять сварили кутью, сдѣлали изъ листьевъ лапушника крестъ, поставили его въ кутью. А послѣ вечера Павло помолился Богу цѣлой семьею; взялъ мѣлъ и назначилъ имъ крестъ на божницѣ, потомъ на окнахъ, на каждомъ по кресту; надъ дверями крестъ; надъ сараями, надъ загонами—вездѣ назначилъ кресты, даже на посудѣ. Накурилъ въ хатѣ ладаномъ. На другой день, какъ пошли съ водосвятія, Петро набралъ святой воды, а Павло, какъ хозяинъ, окропилъ ею всю хату, даже платье, и клѣтъ, и дворъ, и сарай, и ворота, и токъ, и садъ.

Тѣмъ и святки кончились!

Вадимъ Лассекъ.

ВЕНЕЦІЯ,

ИТАЛІЯ—садъ Европы, страна поэзіи, искусства и чудныхъ красоть природы, гдѣ даже камни говорятъ о прекрасномъ и высокомъ, пережитомъ и переживаемомъ человѣчествомъ. На Итальянскій полуостровъ, отдѣленный отъ всей Европы скалистой стѣной, съ давнихъ поръ стремится сѣверный житель, чтобы тамъ насладиться богатой природой, произведеніями искусства и творчествомъ нестарѣющаго генія древности. Природа въ веселый праздничный часъ вызвала на свѣтъ Божій Италію изъ глубины водъ вулканической и нептунической силою и съ избыткомъ надѣлила ее дарами, расточивъ на ней со всей страстностью материнскаго чувства всякаго рода живописные виды, надѣливъ океаномъ, крутыми горами. Тутъ она щедро одарила и человѣка любимой страны—пріятной рѣчью, мелодичнымъ голосомъ, выразительнымъ огненнымъ блескомъ взгляда, тонкою воспримчивостью, чрезвычайно чарующей гибкостью органовъ, рѣдкими талантами души. И лелѣетъ это высшее созданіе, вѣя на него даже въ пасмурные зимніе вечера мягкимъ воздухомъ,—и онъ и все кругомъ его поетъ.

Въ ряду чудныхъ картинъ богатой Италіи царицей является Венеція—она вся купается въ дивной синевѣ моря и неба, которыя друженно голубятъ ее. Венеціанецъ постоянно на морѣ, — сидитъ ли онъ дома, путешествуетъ ли по грандіозно прекрасному городу въ своей оригинальной гондолѣ, потому что дома его, какъ и онъ, глядятся въ морскую синеву, которую, какъ зыбкое зеркало, раскинула на весь городъ любящая Италію особой любовью богатая мать—природа. Видъ на картинкѣ на оборотѣ этого отчасти рисуетъ намъ италянскую архитектуру и движеніе у Моста Вздоховъ въ роскошной Венеціи.

N. Z.

ОТВѢТЪ НА РЕБУСЪ № 11.

(Въ) окнахъ снѣж—ныя узор—ы (въ) по—лѣ (в) ю—ги р аз го—(въ) о ры
въ 5 часовъ ужъ тьма день игра коньки салазки (в) сч—еръ баб—ушки—ны
сказки (в) отъ о (на) зима.

Въ окнахъ снѣжные узоры,
Въ полѣ вьюги разговоры,
Въ пять часовъ ужъ тьма.
День игра, коньки, салазки;
Вечеръ бабушкины сказки,—
Вотъ она зима.

И. П.—въ.

ВЕНЕЦІЯ.

Редакторъ-издательница **Т. ПАСЕКЪ.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 января 1881 г.

Типографія А. С. Суворина. Эртелевъ пер., д. № 11—2.